

## Негромкие люди

**Автор:**

Мария Метлицкая

Негромкие люди

Мария Метлицкая

«Они были из тех дальних, незначительных и нелюбимых родственников, которых встречаешь только на юбилеях и похоронах. Вообще-то их недолюбливали. За что? Ведь с виду они были абсолютные, классические божьи одуванчики. Чистенькие, ровненькие, похожие друг на друга, как брат с сестрой. Даже отчества у них были одинаковые – Ольга Евгеньевна и Леонид Евгеньевич. Были они бездетны, жили где-то в районе Измайлова в однокомнатной кооперативной квартире, купленной в советские времена...»

Мария Метлицкая

Негромкие люди

Они были из тех дальних, незначительных и нелюбимых родственников, которых встречаешь только на юбилеях и похоронах. Вообще-то их недолюбливали. За что? Ведь с виду они были абсолютные, классические божьи одуванчики. Чистенькие, ровненькие, похожие друг на друга, как брат с сестрой. Даже отчества у них были одинаковые – Ольга Евгеньевна и Леонид Евгеньевич. Были они бездетны, жили где-то в районе Измайлова в однокомнатной кооперативной квартире, купленной в советские времена. Жили тихой и размеренной жизнью – завтрак, прогулка по пути в магазин, в авоську двести граммов сыра, двести – колбаски, пакет кефира, свежий батон. Потом Ольга Евгеньевна готовила обед – постный суп, тефтельки, рыба на пару. Все только полезное. Надо заботиться о здоровье. И друг о друге. Кто у них еще есть? Надо друг друга беречь. Старость боится одиночества, а одиночество – болезнью. После обеда ложились

подремать – Леонид Евгеньевич с газетой, Ольга Евгеньевна под тихое журчание очередного дневного ток-шоу по старенькому телевизору. Оба похрапывали, но друг другу не мешали. Они вообще уже давно превратились в единую субстанцию, неделимую, неразрывную, зависимую друг от друга, как часто бывает в спокойном длительном браке. Даже какие-то обыденные действия или незначительные движения были неподъемны и невозможны, если речь шла о кратковременном вынужденном расставании или возможности произвести эти действия порознь. Например, Леониду Евгеньевичу сходить на почту или в сберкассау одному по причине недомогания Ольги Евгеньевны. Или же, наоборот, ей отправиться в аптеку одной, без него, так как в тот день у него сильно разболелась нога. Если дела были несрочные, то их уж точно откладывали, а если отложить было невозможно, то они вообще выпадали на короткое время расставания из этой жизни. Так, Леонид Евгеньевич долго, словно пытаясь задержаться, собирался в прихожей в аптеку, Ольга Евгеньевна стояла рядом, сложив маленькие ручки на груди, с испуганным взглядом маленьких круглых глаз и полуоткрытым от волнения ртом. Периодически она вскрикивала, спрашивала, не забыл ли он кошелек или рецепт. Он в который раз открывал кошелек и проверял то рецепт, то деньги. Потом она дрожащими руками поправляла ему кашне, застегивала верхнюю пуговицу пальто, а уже у лифта всплескивала руками и требовала проверить, взял ли с собой старый пластмассовый очечник, перетянутый для надежности белой бельевой резинкой. Потом она плотно прилипла к окну. Он выходил из подъезда, и она смотрела ему вслед, пока он не скрывался за углом дома. Так она стояла и час, и два, не реагируя даже на редкие телефонные звонки. Вздыхала она облегченно только тогда, когда знакомая фигура в старом габардиновом пальто появлялась из-за угла. Она словно оживала, приходила в себя и, неожиданно почувствовав прилив сил, бодро выходила, почти выбегала, встречать его к лифту. Он слегка смущался, видя ее радость, и корил ее за напрасное беспокойство:

– Ну что ты, Оля, в самом деле! Дел-то всего на сорок минут – аптека и булочная!

– Да? – удивлялась она. – А мне показалось, что тебя не было два часа.

Потом они разбирали сумку, сидели друг против друга, Ольга Евгеньевна надевала очки, и вскрывались коробочки с таблетками. Доставалась аннотация и долго, внимательно и подробно читалась вслух. Иногда, впрочем, возникали дискуссии и даже споры. А вечером, уже вполне тихо и мирно, они смотрели телевизор, что же еще? Взгляды на прочитанное и увиденное практически всегда совпадали. Правда, Ольгу Евгеньевну слегка раздражало то, что Леонид

Евгеньевич смотрит новости слишком часто – и по Первому, и по Второму, и по НТВ. И звук слишком громкий (он был глуховат, а у нее сохранился прекрасный слух). Да и что там хорошего можно услышать? С раздражением уходила на кухню и прикрывала дверь. Но это, пожалуй, единственное, что раздражало ее в нем. А в остальном – и вкусы, и привычки их совпали однажды и навсегда. Что это? Неземная любовь, выпадающая столь немногим, счастливое совпадение характеров, притертых к тому же годами нелегкой жизни, банальная привычка, страх одиночества, старческий эгоизм, точное понимание, что поодиночке не выжить? Кто разберет? Да и к чему все это? Просто жизнь, данность, реальность. И хватит на эту тему.

За что же их так явно недолюбливала немногочисленная родня? Считалось, что они непомерно жадны и эгоистичны. Наверное, правда и в том, и в другом. Все с удовольствием и естественным осуждением обсуждали их подарки и подношения. Если в гости, то вафельный торт и открытка, если на юбилей, то что-нибудь из «запасников», как говорила злоязычная племянница Полина. И это было действительно так. Даже на значительный юбилей, справлявшийся в дорогом ресторане зажиточной родней, торжественно (именно торжественно, что усугубляло ситуацию) преподносилась старая вазочка или пепельница в обветшалой, обтрепанной коробке, часто не соответствующей по размеру самому подарку. Или ацетатный платочек ивановской мануфактуры непотребной расцветки, заломленный и выцветший на углах. Или капроновые чулки – нет, конечно, новые, в упаковке, из тех, что не успела сносить молодая Ольга Евгеньевна. Конечно, принимавшие дары испытывали неловкость. Все их знали столько лет, никто ничего и не ждал другого, и все-таки было неловко. Обсуждать это тоже не уставали. Разве привыкнешь к такому? Тем более что дарители с годами были все изощреннее.

Умные люди пытались относиться к этому с юмором. Жадность – не недостаток, а черта характера. Ну не может человек ничего с собой поделаться. Возможно, хочет, даже старается, а вот не может. Разве можно справиться со своей обидчивостью или гневливостью? Жадность из той же серии. Правда, Полина, та самая троюродная племянница, не могла успокоиться.

– Жмоты, жлобы, ради чего живут? Небо копят, – возбурялась она, сидя на Жениной кухне и попыхивая сигаретой.

– Остынь, – говорила Женина мать. – Ну, что они тебе плохого сделали? Живут тихо, никому зла не делают. Помощи ни у кого не просят.

– Вот-вот, – не успокаивалась Полина. – Как мыши, возятся в своей коробушке – ни зла, ни добра никому. А деньжищ у них – море!

– Да откуда тебе знать? – удивлялись Женя с матерью.

Полина вращала глазами и развивала любимую тему. Женя знала причину Полининого возмущения и обиды: пару лет назад она попросила у двоюродной тетки в долг денег на машину – та отказала. В этом-то и было дело.

– Леня наследство получил еще в шестьдесят пятом году по линии Инюрколлегии – от какого-то несметно богатого дядюшки в ЮАР. Они тогда это от всех скрывали, но слухи все равно просочились. Конечно, сумму точно никто не знал, но даже при том, что любимое государство оттяпало себе огромный процент, им все равно перепало – будь здоров! А они только эту сраную однушку на окраине купили. Их тогда уговаривали и квартиру в центре взять большую, и машину на валюту можно было купить, даже «Волгу», и дачу по Казанке купить – тогда как раз кто-то из знакомых продавал. Ни в какую! Все под жопу, под жопу! Платья приличного, костюма себе не сшили. В семьдесят седьмом Аллочка с Борей в Америку уезжали. Аллочка свои цацки за полцены отдавала, шубу норковую. Приставала к Ольге: «Возьми, деньги же есть».

Конец ознакомительного фрагмента.

----

Купить: <https://tellnovel.com/mariya-metlickaya/negromkie-lyudi>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)